

В восьми тысячах ли к западу от страны Ли раскинулись горы Миньшань. Хребты их тянулись на сотни ли, скрывая в своих складках бесчисленные деревни, где каждый житель носил фамилию Му. Эти земли прозвали государством Му, хотя здесь не было ни королей, ни тронов — лишь старейшины да главы родов. Веками люди Му не рождались с чужаками, выбирая супругов среди своих, но строго блюдя закон пяти поколений: если в родословных за полвека не находилось общих предков, союз считался чистым.

В Миньшане времена года сменяли друг друга чинно и вовремя, но было там одно место, где календарь замер навеки.

В самом сердце гор притаилась долина Жо. Снаружи её кольцом обступали вечные льды, где мир круглый год оставался ослепительно белым, но внутри царил весна. Там благоухали цветы, и, хотя с её дна можно было разглядеть заснеженные пики, холод не осмеливался спуститься вниз. Однако эта красота была лишь искусной клеткой. Тот, кто оказывался внутри, был обречён: без тёплых мехов путь через ледяной пояс до ближайшей деревни превращался в верную смерть.

Сюда отправляли тех, кого называли Небежденными детьми. Дети, наделённые странными силами или пугающей, неземной красотой, в глазах клана Му были чужаками. Считалось, что такие существа — либо небожители, либо демоны, и их аура погубит покой общины. Их отсылали в долину Жо, где они доживали свой век в полном достатке и абсолютном одиночестве. Говорили, в лучшие времена здесь обитали сразу десять таких изгнанников.

Но случалось подобное редко, и чаще долина Жо принадлежала лишь одному хозяину. Небежденные дети почти всегда отличались выдающимся умом, и в их распоряжении была книжная башня с десятками тысяч свитков, накопленных за поколения. Ходили слухи, что кому-то удавалось сбежать, но ни один из ушедших так и не вернулся в Миньшань.

Му Цинли попал в долину едва родившись. Имя ему дал предшественник, последний из прежних обитателей. Когда мальчику исполнилось пять, старик Му Цзуньи сказал, что пришло время уходить. Ребёнок тогда ещё не знал, что значит «уйти».

— Это значит отправиться в места более просторные. Подрастёшь — поймёшь, — улыбнулся Му Цзуньи, погладив Цинли по голове. Это был последний раз, когда мальчик видел его живым.

Цинли хотел что-то спросить, но слова застряли в горле. В тот миг он «увидел»: Му Цзуньи лежит в снегах, застыв с блаженной улыбкой, а дыхание обрывается в ледяном оцепенении. Мальчик почувствовал чужую волю — старик был готов умереть, лишь бы вырваться из этой клетки.

Му Цинли стал Небежденным ребёнком не из-за красоты. Главной его особенностью были глаза: глубокого чёрного цвета, они словно были затянуты тончайшим слоем светло-сиреневого хрусталя. Под лучами солнца он прищуривался, его глаза отливали колдовским фиолетом, и в них отражались тени грядущего. Другим знаком стала фиолетовая молния, ударившая в дом при его рождении. Для главы рода это стало неоспоримым доказательством:

перед ними Небежденный ребёнок. Обычно дар проявлялся к трём годам, но Цинли был отмечен небом с первого вздоха.

После смерти Му Цзуньи Цинли остался в долине один. Раз в месяц молодая женщина приносила ему еду и одежду. Она почти всегда молчала, быстро оставляла узлы и уходила, но всякий раз долго, не отрываясь, смотрела на него, прежде чем скрыться. Когда Цинли исполнилось семь, она перестала приходить.

Он догадался: должно быть, у неё родился другой ребёнок, и о первенце предпочли забыть. Мальчик предвидел это ещё при первой встрече, но, когда предсказание сбылось, в груди заняло. В книгах писали, что это чувство зовётся печалью.

Ему оно совсем не понравилось.

С тех пор Цинли перестал выходить к тем, кто доставлял припасы. Он привык к одиночеству, находя спасение в книжной башне. Там, среди древних свитков, он забывал о времени, о месте и о грызущей пустоте внутри. Прожить так всю жизнь казалось ему вполне сносной участью.

Но, как говорится, человек предполагает, а небо располагает.

Всё началось обычным утром.

На вечнозелёном дереве перед домом на рассвете затеяли перебранку птицы. Казалось, их ссорам не будет конца. Цинли не раз пытался выселить шумных жильцов, разоряя их гнёзда, но парочка влюбилась в это место: стоило ему разрушить их дом, как они тут же строили новый. В конце концов пернатые пошли на хитрость — расширили дупло и перебрались внутрь, куда рука мальчика уже не пролезала. Настоящие бестии. Их гомон стал для него привычным будильником.

Умывшись, Цинли поставил вариться рисовую кашу, а чтобы та не казалась пресной, решил сходить к ручью — вчера он оставил там ловушки на рыбу.

В свои десять лет он умел справляться с хозяйством сам. Рыбная ловля, готовка — всё это он постиг по книгам. И хотя изысканными его блюда назвать было трудно, на вкус они выходили вполне пристойными.

Проходя мимо аптекарского огорода, он заметил своего старого знакомца — Жирного кролика. Тот снова перепутал ценный женьшень с обычной морковью и теперь, ошалев от избытка сил, носился кругами вдоль ограды. Глядя на его безумный бег, Цинли невольно подумал: «Хоть бы ты об дерево головой приложился, что ли... Тогда бы у меня на обед было жаркое со вкусом женьшеня».

Словно почувствовав угрозу, кролик споткнулся, кубарем покатился по земле и замер,

раскинув лапы. Цинли подошёл, ткнул пальцем в пухлое брюхо и вздохнул:

— Какая жалость.

Жив, зараза. Обед снова отменяется.

Ощувив опасность, ушастый во сне задрожал всем телом, но сил проснуться не нашлось, и он лишь слаще засопел. Цинли хмыкнул и пошёл дальше.

Ручей питали талые воды с вершин, стекавшие в глубокую чашу пруда, который всегда казался полным, но никогда не выходил из берегов. В дневниках одного из предшественников Цинли читал теорию, что под водой скрыт туннель, ведущий к озёрам за пределами долины. Иначе откуда бы в пруду взялась рыба? Будь это стоячая вода, долину бы давно затопило.

В тех записях говорилось: если найти способ дышать под водой, можно сбежать. Но каков этот путь, насколько он долог и опасен — никто не знал. Для Цинли этот вариант не подходил: он был мал, не умел плавать, а главное — не представлял, как выживать в огромном и пугающем внешнем мире, о котором в книгах писали столько предостережений.

Подняв ловушку, он обнаружил богатый улов. Оставив себе двух крупных рыбин и несколько креветок, остальную мелочь он выпустил обратно. На обратном пути он заглянул на грядки, набрал нежной зелени и вытянул из земли сочную редьку.

На кухне дело спорилось: оглушить рыбу рукоятью ножа, выпотрошить, снять чешую — всё по науке. Отрезав голову и хвост, он мелко нарезал нежное мясо брюшка и отправил в котелок с кашей вместе с очищенными креветками. Перед тем как снять с огня, добавил соли и перца. Головы же поставил томиться на углях для густой ухи к ужину.

Устроившись у окна с книгой, Цинли принялся за завтрак. Птицы на дереве затихли, улетев на поиски корма, и в доме воцарилась благословенная тишина. Жирный кролик в огороде наконец пришёл в себя и поскакал к грядкам за морковкой, но, обнаружив, что Цинли уже всё собрал, обиженно дрыгнул задними лапами и скрылся в кустах.

Цинли уже доедал кашу, когда до его слуха донеслись шаги. Он замер. Сегодня была середина месяца — время доставки припасов. Интересно, принесли ли тот вкусный сахар, что был в прошлый раз? Его было так мало, что он закончился за пару дней.

Не успел он додумать, как дверь распахнулась от молодецкого пинка. Цинли нахмурился. Раньше никто не смел так врываться — обычно люди просто оставляли узлы на пороге и исчезали. В проёме показалась гора тюков, из-за которых не было видно самого гостя, но по их высоте можно было судить, что пришедший невелик ростом.

Незнакомец ввалился внутрь и свалил поклажу на кушетку у входа. Теперь Цинли смог его

разглядеть: это был мальчик лет одиннадцати-двенадцати, не намного старше самого хозяина. За спиной у него висел ещё и плетёный короб, доверху набитый всячиной.

Паренёк утёр пот со лба и широко, во весь рот, улыбнулся:

— Меня зовут Му Июань. Отныне я буду доставлять тебе всё необходимое. Куда это добро прикажешь сложить?

Цинли оторопел. Обычно он прибирался сам, а посланцы и слова из себя не выдавливали.

— Одежду в шкаф, продукты — в ледник за кухней, — ответил он машинально, а помолчав, добавил: — Сахар есть?

— Имеется. Хочешь? — Му Июань принялся копаться в коробе и выудил небольшой бумажный свёрток.

— Угу, — кивнул Цинли. Приняв угощение, он развернул бумагу и, отправив кусочек в рот, зажмурился от удовольствия. Он впервые за долгое время слегка улыбнулся.

Му Июань удивлённо моргал, глядя на него. Похоже, любовь к сладостям объединяла всех детей, даже Небежденных.

<http://bllate.org/book/17533/1706007>